

Не зная Бога, нельзя знать душу.

Путь от врача-психиатра к священнику.

И медперсонал, и пациенты психиатрической больницы хорошо знают и всегда ждут у себя отца Владимира Новицкого. «Говорят: «Владимир Владимирович, (они меня так по привычке называют) вы приезжайте еще молебны служить», – рассказывает батюшка. По профессии он психиатр, долгое время проработал врачом, был заведующим отделением. А теперь – священник храма бессребреников Косьмы и Дамиана в селе Космодемьянском (Москва). Но не простым и не быстрым оказался его путь от врача-психиатра к священнику.

Отец Владимир, известно, что психиатрия очень сложная сфера деятельности, требующая от врача полной отдачи сил не только физических, но, что самое главное, духовных. Чем был обусловлен Ваш профессиональный выбор? Вы понимали, на что идете?

Для меня было естественным стать психиатром. Я вырос в семье врачей-психиатров – это наша семейная традиция. Мои родители – врачи-психиатры. Брат – психиатр. Дедушка мой – врач, бабушка – медсестра, племянник – психиатр, сейчас главврач. Поэтому, когда стал вопрос выбора профессии, сомнений не было. С одной стороны, психиатрия была образом жизни нашей семьи. Дома часто обсуждали вопросы психиатрии, и мне с детства это было близко и интересно. Параллельно у меня рос интерес к душевной, психической жизни человека. Но понять психику без изучения ее расстройств крайне сложно, практически невозможно. Вот это и предопределило мой выбор.

Этот интерес к психике человека был связан с церковной жизнью?

Нет. Я рос совершенно не в православной традиции: у нас в семье, как и во многих семьях, церковных, обрядовых традиций просто не существовало, и вопросы такие в принципе не обсуждались. Родители не были противниками, отец интересовался некоторыми духовными проблемами, но мне мало об этом известно, поэтому для меня это был совершенно новый мир, который я еще не знал.

С чего же все началось?

По милости Божией, когда я после окончания института только начинал работать врачом, у меня появился интерес к классической литературе. Я зачитывался произведениями русских классиков, в особенности Федора Достоевского. Его творчество основано на духовном опыте, там много говорится о православной традиции. У меня видимо был душевный голод, и хотелось, его как-то насытить. Естественно возникали и более серьезные вопросы. Самый главный – в чем смысл жизни. И отчасти художественная литература, конечно, не в полной мере, на эти вопросы давала

свои косвенные ответы. Это было время поисков, ошибок, безусловно, отступлений, скорбей, которые постепенно и привели к Богу.

На пути к вере есть определенные ступеньки, которые заставляют пересматривать себя и свою жизнь. Какие моменты в Вашей жизни были такими вехами, что вспоминается?

Конечно, крещение. Я крестился, уже в зрелом возрасте, в 28 лет. Это было не очень сознательно: я находился еще в поисках. Поэтому после крещения сразу не смог жить православной жизнью – у меня еще не было такой веры. Духовная жизнь любого человека это тайна отношений человека и Бога. Человека ведет к вере и к духовной жизни Благодать. Вера всегда требует с одной стороны чуда, потому что тут вмешательство Божие в нашу жизнь. А с другой стороны – внутренней борьбы, когда нужно самоопределяться, принимать решение, делать выбор с кем ты, с Богом, или сам по себе. И как ты веришь в Бога. Во Христа ли веришь, или у тебя свое понимание Бога. Это очень мучительно. И тут, если у человека доброе расположение, всегда помогает Господь.

Но привела меня к Богу еще и Оптиная пустынь. В начале 90-х, когда все только возрождалось, совершенно случайно увидел в газете статью о монастыре. Я заинтересовался, что это такая за пустынь, за Оптиная, за монастырь такой? Почему туда люди едут, как и чем там живут? У меня не было ни православных друзей, ни священников, с которыми мог посоветоваться, никого, и книг не так много прочитал, но была очень сильная внутренняя жажда, какая-то невыразимая потребность. И я сам на свой страх и риск купил билет и поехал в монастырь. Первое впечатление по приезде в Оптину было очень сложное. Я вдруг понял, что здесь есть нечто, на чем необходимо сфокусироваться. Нужно отбросить все лишнее, все ненужные и даже в чем-то вредные искания и идти

одним путем. Здесь я почувствовал отголоски того, что восполнило пустоту, которая была в душе. Так я стал время от времени приезжать сюда. Потом возникла потребность бывать в Оптине каждый месяц. И каждый раз во мне происходила борьба: все привычки, особенности моего образа жизни тянули назад, а то новое что открывалось в Оптине, все больше привлекало. Православие мне представлялось прекрасным драгоценным камнем, невероятным алмазом, который поворачивается разными гранями. Я начинал постигать для себя новые удивительные вещи: оказывается, есть прекрасные верующие люди и другие отношения между людьми, совершенно чистые чувства, доверительность, любовь, то, что мне было совсем неизвестно в таком мире.

Потом был 1993 год – убиение оптинских новомучеников. Это произошло практически на моих глазах: на Пасху я был в Оптине. Как врач пытался оказывать первую медицинскую помощь. Вместе с другими врачами доставлял в реанимацию Козельска иеромонаха Василия. У Тертуллиана сказано «кровь мучеников это семя Церкви», так и для меня кровь этих монахов оказалась той силой, которая подвигла к окончательному выбору. С этого момента я стал православным.

И еще на меня очень сильно повлияло знакомство с протоиереем Михаилом Трухановым. По милости Божией я с ним встречался, очень часто: почти каждое воскресение собирались у него вместе с другими чадами. Батюшка учил нас православной жизни, очень много внимания уделял Священному Писанию, рассказывал, объяснял Евангелие. Это были годы удивительной учебы, которые не сравнятся с учебой в богословском институте. Батюшка передавал нам свой духовный опыт, который мне очень помог и которым я до сих пор пользуюсь.

Как ваше воцерковление приняли коллеги по работе и друзья?

У большинства моих знакомых было удивление и недоумение. Если вспомнить что все это происходило в начале 90-х, то многое объясняется. Тогда и Церковь, и православие были чем-то новым, они не вошли еще в нашу привычную жизнь. Мои же коллеги мне ставили диагнозы. Особенно их потрясло, что я молюсь вместе с больными. К нам в больницу приходили священники и служили молебны. Я как верующий человек помогал, организовывал больных, молился вместе с ними, и это вызывало недоумение. Это было просто невообразимо, как это врач-психиатр молится с психически больными людьми. Это звучало как диагноз. Потом ситуация изменилась и ко мне привыкли. Постепенно все эти кривотолки прекратились, и сейчас даже просят приезжать. Да, теперь отношения более лояльные, хотя не скажу, что слишком горячие. Конечно, много проблем, и не только в психиатрии, но и в обществе – оно по большому счету не церковное.

Но по милости Божией у меня были и остаются близкие духовные отношения с заведующей отделением, где я работал много лет, она церковный человек и, кстати, моя крестная мать. И еще с одной заведующей отделением у нас близкие духовные, почти родственные отношения.

А сейчас, отче, вы продолжаете поддерживать отношения с психиатрической больницей, в которой работали?

Да, стараюсь и молебны служить, и продолжаю немного практиковать как врач. Молебны служу вместе с сестрами милосердия, они мне помогают: больным приносим вещи, угощения к чаю, иконочки, духовные книги, крестики. Примечательно, что когда проходит молебен с водосвятием, то персонал говорит, что больные как бы притихают. В отделении возникает такая благодатная, мирная атмосфера. И острые больные не беспокоят как прежде. И персонал становится спокойнее. Все как-то умиротворяется на

определенное время. Врачи сами просят, чтобы эти молебны продолжались: с их помощью можно реально воздействовать на больных. Благодать Божья, конечно, не может не воздействовать!

Больные это тоже чувствуют? Как они сами относятся к молебнам?

Очень хорошо! Могу сказать по своему опыту, что приводят тяжелых больных, порой дефектных, с которыми, казалось бы, и разговаривать не о чем: они живут полурастительной жизнью. И когда совершается молебен, то такое впечатление, что это уже и не больные – они преображаются, начинают молиться, деятельно участвуют. У некоторых, с сильными признаками слабоумия, проясняется взгляд, появляется какая-то радость, они подходят под благословение. Ни разу на молебне не было случая, чтобы больные богохульствовали. Даже острые больные, от которых теоретически такое возможно ожидать. Может быть шум: кто-то пройдет, какой-нибудь разговор не по теме, но главное – агрессии нет! Умиротворяются и включаются в молитву насколько для них это возможно. И все с большим удовольствием берут иконочки и духовную литературу, всегда ждут молебна – для них это большая радость.

Молебны, разговоры о духовном, проповеди, духовная литература – для этих людей, действительно, луч света в темном царстве их болезни. Они за это цепляются и в этом черпают силы жить. Поэтому нуждаются в особом сострадании.

Наверняка в Вашей медицинской и священнической практике были случаи, которые служили к укреплению Вашей веры? Какой из них Вас больше всего потряс?

Конечно, таких случаев было немало. Особенно мне запомнилась одна история. Я уже был священником. Пришел ко мне человек очень неординарный, сложный, противоречивый. По образованию юрист, учился в аспирантуре, при этом участвовал в боях без правил и страдал жестокой зависимостью от героина. Настолько эта зависимость его мучила, что он жил с мыслью о самоубийстве и даже предпринимал попытки покончить с собой. Сделал себе передозировку, но выжил. Попробовал повеситься – оборвалась веревка. А это был парашютный строп, представляете, такого просто быть не может! Вот пришел ко мне, сидит и рассказывает, что хочет покончить с собой и сейчас выйдет и обязательно это сделает. Я как психиатр понимаю: человек опасен для самого себя – надо вызывать скорую помощь. Но как священник знаю, что обмануть его не могу, без его согласия вызывать не буду. Единственное что мне оставалось, как священнику, предложить ему исповедаться, хотя этот человек был совсем не церковный, ничего не знающий о покаянии, и, по сути, не готовый в тот момент к покаянию. К моему удивлению он сразу согласился. Мы начали исповедь прямо в кабинете, где я принимаю посетителей. И к еще большему моему удивлению исповедовался он горячо, сердечно, так, словно много читал о покаянии и о том, как надо каяться. Очень точно называл грехи, не преувеличивая и не преуменьшая их. После исповеди ему стало легче, и он ушел. На следующий день молодой человек снова пришел, но я едва узнал его. Здоровый цвет лица, сияющие от счастья глаза, порозовевшие щеки. Он пришел и говорит: «Батюшка, я еще хотел в чем-то покаяться, но у меня такая радость на душе, она так меня переполняет, что я пока шел, забыл!» Разве это не самое настоящее проявление благодати Божьей!

Так бывает, когда удастся вступить в доверительный душевный контакт с человеком. В этот момент возникает близкое общение

между душами врача и больного. Безусловно, там, где есть любовь, доверительность, в какой-то степени смирение друг перед другом, там есть и Христос.

Отец Владимир Вы и психиатр, и священник и можете объективно оценить нужна ли психиатрия и психиатры? Может ли со всеми душевными и духовными вопросами человека справиться один священник?

Если бы мы были ангелы, то не имели бы нужды в лекарствах и врачах. Но у нас есть плоть, которая подвержена болезням. Психические болезни тоже находят отражение в болезнях плоти. У человека возникает депрессия, в результате чего нарушается обмен веществ. Мы даем ему психотропные препараты чтобы, восстанавливая обмен веществ, лекарство косвенно помогало преодолеть депрессию. Конечно, лекарства не решают главную проблему, не делают человека более смиренным или любящим Бога, но, тем не менее, успокаивают, снимают тревогу. Человек уже способен к духовной жизни и к психологической помощи, лечению. Помните евангельский эпизод о слепорожденном? Кто виноват? Он согрешил или его родители? Господь говорит, что ни он, и не его родители, а это для того, чтобы явилась Слава Божия. Так и болезни бывают не только следствием какого-то конкретного греха, но в любом случае попускаются Богом для смирения и для спасения души. Поэтому все хорошо на своем месте и врачи-психиатры, невропатологи и обязательно духовное лечение. В Библии сказано не пренебрегайте врачами, ибо их сотворил Господь.

Если человек находится в психически расстроенном состоянии, исходя из Вашего опыта, что надо делать в первую очередь чтобы ему помочь? Куда ему идти: к психиатру или к священнику?

У святителя Филарета Московского есть такие полезные слова, он говорит: если человек имеет закрытое сердце, то бесполезно лопитесь туда, и тогда надо стучаться молитвой в это сердце, а если сердце открыто, то можно входить с советом. Поэтому, если человек закрыт для общения, и ему невозможно оказать духовную помощь, он находится во власти болезни, тогда надо начинать с лечения, порой с экстренной госпитализации, или даже насильственных мер, если человек опасен для себя и окружающих. Хотя это не значит, что не надо говорить – все равно надо говорить. Надо сеять, а там уже как получится: примет человек слово или не примет, удастся ли зацепиться за что-то, будет ли доверительность в разговоре – это неизвестно, но говорить надо.

У меня есть одна страждущая прихожанка. Я ее знаю два года, и за это время она постепенно приходит в определенное упорядоченное состояние. Делит свои переживания на два мира. Один – реальный, человеческий, Божий мир, где благодать Божья, где радость, нормальные отношения с родными и близкими. Другой – мир бесовский, который воздействует на нее и пытается вызвать у нее подозрительность, страх, ощущение постороннего воздействия. И она в таком состоянии более-менее скомпенсировано и успокоено пребывает, ходит в храм.

В большинстве случаев все-таки можно найти точки соприкосновения и подвести человека к покаянию. Первый очень полезный шаг при разных душевных недугах – это шаг к покаянию, когда человек просыпается для духовной жизни, когда видит, в чем он находится, хотя бы частично, когда хочет стать другим искренне, и хотя бы немного доверяет Богу, а потом это доверие постепенно усиливается. Чем больше веры, тем больше помощь Божья. Покаяние всегда хорошо положить в основу лечения, как и в основу любого дела. Хорошо когда мы все будем строить на твердом камне – Церкви. А потом, в идеале конечно, постепенное

воцерковление, которое проявляется и проверяется по тому, как человек относится к таинству Причащения. Это самое главное – потому что в нем сам Христос соединяется с нами. Без Причастия невозможно радикально, по-настоящему, глобально лечить душу.

Используете ли Вы опыт и знания из области психиатрии, какие-то специальные методики в своей священнической деятельности?

Я пользуюсь тем опытом общения с психическими больными, который приобрел во время своей деятельности врачом. По сути это жизненный опыт. И в силу этого опыта, насколько я понимаю, насколько я видел раньше больных, общался с ними и лечил их, могу приблизительно оценивать психическое состояние человека, прогнозировать его возможное дальнейшее поведение. Это мне помогает психологически скорректировать и духовно помочь человеку. А какие-то специальные психологические или психиатрические методики я не применяю принципиально и не хочу применять. Прежде всего, надо приобретать опыт терпения и любви к этим людям. Тем не менее, если такие методики в священнической деятельности приносят пользу ради помощи человеку, то на своем месте все хорошо.

Как Вы считаете, отче, сегодняшний образ жизни, современный уклад, как-то провоцирует возникновение психических заболеваний, способствует их росту?

Конечно, провоцирует. Современный образ жизни – это жизнь во все нарастающем темпе, это такая гонка, когда люди пытаются внешне много преуспеть и поэтому не имеют возможности обратиться внутрь себя. Тенденция к внешнему успеху, безусловно, подпитывает внутреннюю гордыню, которая, в свою очередь, является одной из основ греховной жизни. С другой стороны, со-

временная жизнь это нездоровое количество всякой ненужной информации, которая вызывает у человека перенапряжение, разные страхи, неуверенность в себе и может провоцировать и алкоголизм, и наркоманию, и психические болезни. С третьей стороны, можно говорить о тенденции к тотальному гедонизму, стремлению к удовольствиям. Отец Анатолий Берестов говорит, что такое потребительское отношение к жизни формирует наркоманический тип характера, когда человек настроен только на то, чтобы наслаждаться. Получи кайф от всего: от человека, от вещества, от привычки, от острых ощущений, от искусства, еды, алкоголя, лекарств. Это, безусловно, тоже способствует психическим срывам и греховности. Тут прямая зависимость. Грех и психическая болезнь – это очень близко.

Как-то пришел ко мне раб Божий 35 лет, наркоман с большим стажем, неоднократно бывший на излечении. Раньше он занимался бизнесом, был человеком состоятельным и мог позволить себе дорогостоящее лечение. Рассказывал, сколько раз повторялась ситуация: возвращаются они с приятелем из очередной больницы, смотрят друг на друга: “Ну что поехали? Поехали...” – и опять на точку. И очередной срыв. «Потом, – говорит, – думаем: «И зачем мы это все делали, зачем лечились, и что дальше?». Так, в конце концов, весь свой бизнес проколол и остался практически ни с чем. Он пытался обращаться в храм, бывал на службах, но делал это от случая к случаю. Конечно, некоторая помощь и поддержка были, но радикальных изменений не происходило. Когда он обратился ко мне, у него в голосе чувствовалась ирония, мол, я уже все испробовал, что вы еще можете... Я сказал ему, что человек ничего не может, и я ничего не могу, но нам поможет Господь. “Веришь ли, что Господь поможет тебе? Веришь ли, что Христос тебя спасет?” Он говорит: «Да хочу верить, я верю в это!». И мы решили с ним, что он будет еженедельно исповедо-

ваться и готовиться ко Причастию Христовых Таин. Он начал это исправно делать. Я думал, что долго не выдержит, что его хватит на одно, два Причастия, а он приходил и приходил. Потом появился с женой, очень хорошим, интеллигентным человеком, которая ему всячески помогала, и оба были сияющие. Оба были радостные! Как выяснилось, на второй или третьей неделе стало ясно, что он уже не зависит от наркотиков. «У меня пропало влечение к ним, – говорил он. – У меня возникло отвращение, я уже не могу вести прежнюю жизнь». И с этого момента все изменилось. Он продолжает часто причащаться, почти каждую неделю бывает в нашем храме. Стал заниматься работой, наладилась семейная жизнь. Произошедшее, конечно, нельзя отнести к размену человеческому или какой-то психотерапевтической помощи, и мое участие здесь минимально. Здесь, очевидно, действует Благодать Господа Нашего Иисуса Христа, и человек преображается под действием Святых Христовых Таин.

Я думаю, что главное – это внутреннее устройство. В зависимости от того, на что ориентирован человек: тянется ли он к благочестию, добру, вере, совести или относится к жизни потребительски, гонится за мнимым счастьем, кайфом, легкостью – такое у него и душевное устройство. От этого меняется и психика: она, соответственно, либо укрепляется, либо расстраивается. Потому что психика человека устроена так, чтобы он служил Богу и людям на своем месте: мы же в себе имеем образ и подобие Божие. А если человек отгораживается, пытается присвоить себе жизнь, что, мол, она принадлежит только ему, и все видит с точки зрения потребительства, то тогда психика приходит к сбою, к слому. Человек не может по-другому: ему грустно, плохо. Радости нет. Он бежит за радостью, как ослик за морковкой привязанной перед ним, и вот-вот укусит, но никак не может догнать. Так и здесь, тоже погоня за счастьем. А счастье только у Бога, только когда с

Богом, со Христом. Когда не в себя бежит человек, а из себя вы- бегает – к Богу, к людям.

Сегодня часто приходится сталкиваться с тем, что православ- ные люди пугаются и пугают психологами. Но ведь есть право- славные психологи. Кто они такие и нужны ли они?

Они, безусловно, нужны! Есть такой термин – святоотеческая психология. И действительно, святые отцы самые лучшие психо- логи, они прекрасно знают душу человека. А нельзя знать душу, не зная Бога. Поэтому, безусловно, они были Боговедами и ду- шеведами. Православный психолог, в первую очередь, опериру- ет знаниями святоотеческой психологии, учением святых отцов, но и багаж современной психологической науки активно исполь- зует. Особенно это касается знаний о поведении человека и осо- бенностях его внушаемости: как лечить словом, как помогать, ка- кие слабые места, как их усилить и так далее.

Сейчас очень модны различные тренинги и психологические практикумы с использованием аутотренинга или гипноза. Представляет ли это какую-то опасность для человека? И что более опасно аутотренинг, гипноз или медикаменты?

Лекарства в любом случае никак не повредят душе, они только могут повлиять на физическое здоровье человека. Гипноз очень разрушительно действует на волю, у человека возникает зависи- мость от гипнотизера, он становится гипнабельным, расслаблен- ным, слабовольным, причем, как правило, в принятии самостоя- тельных решений. Аутотренинг, конечно же, провоцирует тщеславие и гордость, человек опирается на себя и на свое «я». В це- лом, в отношении гипноза и аутотренинга можно сказать слова Христа: «Без меня не можете творить ничего». И то и другое без Христа, поэтому толку никакого, один вред.

Но есть и более серьезные «увлечения» современного человека – это занятие различными духовными практиками: восточными, оккультными, сектантскими... В каком состоянии находится психика таких людей?

В психиатрии выделена целая область психических заболеваний, так называемые оккультные болезни, которые к тому же не совсем типично проходят. Они протекают на более тонком, более духовном уровне. Человек может внешне быть адаптирован, занимать какую-то свою социальную нишу, иметь семью и так далее, и при этом страдать таким психическим расстройством. Подобного рода болезнь протекает на уровне его духа. Человек теряет свободу, потому что существует некая посторонняя, негативная, духовная сила, пытающаяся им руководить и заявляющая на него свои права. В результате разных псевдодуховных, оккультных практик бесовская сила пытается найти доступ к человеку.

В моей священнической практике был такой случай. Человек, имевший посвящение в магистра магии пришел на исповедь на Крутицкое подворье, где я тоже служу и занимаюсь душепопечением. Я помню свои физические ощущения – я вдруг стал мерзнуть. Он исповедуется, говорит совершенно реальные вещи, говорит о своих грехах, а мне становится почему-то так холодно, что я не могу ему ничего ответить. Пришлось даже одеть на себя верхнюю одежду, чтобы немного согреться. После исповеди он вскоре прошел Чин присоединения, совершаемый на Крутицком подворье и все изменилось. Разговаривать с ним стало легко: прошло ощущение дискомфорта, исходящее от этого человека. Помню, когда он только начинал воцерковляться, то не выносил чтение в храме акафиста Киприану и Иустинии. Он ходил по храму кругами и не мог никак остановиться: настолько сильное испытывал беспокойство. По-видимому, вражий дух его вот так го-

нял, мешал, лишал покоя. После присоединению к Православию все это исчезло, он стал другим человеком.

Вы сказали о бесовской силе, а действительно ли существует беснование? Есть у него строго научное определение? Вы как священник с этим сталкивались – это реальность, не выдумка?

Это, безусловно, реальность. Научного определения нет. Как бес явление духовное, а не научное, так и определения научного быть не может. Я не обладаю достаточным духовным опытом, чтобы определять факт беснования, но были случаи, когда приходит человек, а ты чувствуешь – дух не тот. Живет он церковной жизнью и попадает в какой-нибудь смертный грех, и в нем происходят такие изменения, что становится трудно покаяться. Начинается саможаление, самооправдание, осуждение других и тому подобное. И ты чувствуешь, что тот дух кротости, мирности, радости, который человек носил в себе вдруг ушел.

Многие психические расстройства, которые бывают у психиатрических больных, несут в себе элемент беснования – целью является конкретное разрушение. Это не хаос, не какофония мыслей и чувств, а конкретное, целенаправленное действие: либо человек слышит голоса, которые им управляют, и приказывают ему себя или кого-то убить, или нецензурно ругают, или сначала его хвалят, а потом начинают доводить до уныния и отчаяния. В любом случае идет поиск слабых мест человека и попытка игры на этих слабостях, чтобы завладеть им все больше и больше. Бредовые расстройства, чистый бред, воздействие, когда человек чувствует, что на него давит некая сила и заставляет его совершать плохие дела. Последнее особенно часто встречается в случаях детской шизофрении. Ребенок может жаловаться, что он слышит голос какого-то дяденьки, который учит его вести себя плохо, например, заставляет воровать.

У меня было несколько случаев, когда больные, слышащие голоса, имеющие какие-то бредовые расстройства, после исповеди вдруг, как бы теряют силу, падают перед аналоем, лежат какое-то время. Не знаю. можно ли здесь говорить о бесновании, но, тем не менее, вот такая своеобразная реакция на Благодать Божью.

Другое явление, которое всегда воспринималось неоднозначно – юродство. Вы как священник и психиатр как определите что это такое? Психическое расстройство или действие Благодати Божьей?

Юродство – это жизнь во Христе. Это смирение, может быть такое высокое, что человек поступает не по принятым социальным нормам, а ради Христа, намеренно показывает себя странным, неадекватным. Юродство это ради Христа и не надо путать с душевным заболеванием. Одно дело скрывать какие-то духовные дарования: дар прозорливости, молитвенность, благочестие, чистоту сердца, боясь похвалы, превозношения, боясь человеческого почитания. Другое дело – человек, что называется «не дружит с головой», живет по-своему, и все это не вокруг Христа, а вокруг себя. Рекомендую читателям журнала посмотреть фильм «Остров». Я был потрясен личностью Петра Николаевича Мамонова, буквально открыл его для себя. Человек очень глубокий и незаурядный.

Бывают ли у священников проблемы с психикой? Может ли священник впасть в депрессию, и что ему в этом случае делать?

Конечно, бывают. Священники такие же люди, как и все остальные. С такими же немощами, с такими же болезнями. Бывают депрессии. Безусловно, хорошо, когда перед рукоположением исследуют: были ли у священника психические заболевания. Естественно не надо рукополагать душевнобольного. Но, тем не

менее, священник может болеть, как и все другие люди. И лечить надо точно также.

Батюшка посоветуйте, что нужно делать, чтобы сохранить душевное и духовное здоровье?

Чтобы сохранить психическое здоровье надо иметь опору. У нас две главных опоры – вера и совесть. Жить по совести и жить по вере, и тогда никогда не ошибешься, никогда не обманешься и не заболеешь. А если Господь попустит какое-то страдание, то все при таком расположении можно понести, да еще и получить пользу от этого. Любите Христа и будьте счастливы.

Вадим Прищепя

Елена Кучеренко

Биография иерея Владимира Новицкого

Родился в 1963 году в семье врачей в городе Химки, Московской области. Там же в 1980 году окончил школу и поступил в Первый московский медицинский институт ныне Медицинская Академия. В 1986 году окончил институт и устроился психиатром в Центральную Московскую областную клиническую психиатрическую больницу. Параллельно учился в интернатуре по специальности врач-психиатр. В 1998 году перевелся в химкинскую психиатрическую больницу №22, где работал врачом-ординатором, а позже заведующим отделением. В этом же 1998 году рукоположен во диакона в храм святых бессеребренников Косьмы и Дамиана в селе Космодемьянском (Москва). В 2000 году Святейшим Патриархом Алексием был рукоположен во священника. В 2005 году окончил заочное отделение богословского факультета Свято-Тихоновского богословского института. Служит в храме святых бессеребренников Косьмы и Дамиана в селе Космодемьянском (Москва), а также по благословению священноначалия в храме

Воскресения Словущего при Душепопечительском центре им. св. прав. Иоанна Крондтштадтского на Крутицком патриаршем по-
дворье, где занимается душепопечением людей пострадавших от
окультизма и сектантства. Женат, имеет троих детей.

